

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Сердечной Веры Владимировны «РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА УИЛЬЯМА БЛЕЙКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ XIX – XXI ВЕКОВ», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальностям 10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Европы)

В контексте российской филологической науки исследования, ставящие своей целью анализ взаимодействия разных культурных традиций, – явление сравнительно нечастое. Тем более редки примеры научных работ, в которых в центре внимания оказывается анализ рецепции значимого явления в широком историко-литературном контексте.

Уже в этом отношении диссертационное исследование В. В. Сердечной – явление во многом примечательное. Еще более весомым его делает обращение автора к большому кругу **теоретических вопросов**, имеющих отношение к проблематике диссертационной работы: это и теория романтизма, и теория перевода, и теория интермедиальности.

История вопроса, подробно воссозданная В. В. Сердечной, показывает, что изучение рецепции У. Блейка в русской литературе имеет долгую традицию. Опираясь на ее достижения, диссертант предлагает новый взгляд на широкий круг вопросов – от оценки места Блейка в контексте романтической культуры до характеристики направлений его рецепции в русской литературе, от анализа конкретных переводческих решений до комментирования отражений его творчества в театральной, музыкальной, визуальной культуре.

Актуальность исследования В.В. Сердечной несомненна: внимание «к явлениям межкультурного диалога» (с. 5) действительно является одним из важнейших факторов развития современной филологической науки. Очевидна и **новизна** работы: в ней впервые предпринята попытка систематического исследования рецепции У. Блейка в русской литературе,

«проанализированы переводческие стратегии», «исследована роль посреднических факторов культуры» (с. 12-13).

Большая научная удача и заметное достижение работы В. В. Сердечной – введение в научный оборот ранее неизвестных материалов, связанных с русскими переводами У. Блейка. Заслуживают самой высокой оценки раздел работы, посвященный неизвестному переводу «Венчания рая и ада» С. Довгелло, раздел, связанный с анализом отражений У. Блейка в творческой практике Б. Анрепа, раздел об истории гумилевского перевода «Духовного странника».

Эти части работы в полной мере демонстрируют и широту научного поиска, и степень вовлеченности в материал, и высокую компетентность автора в исследовании архивных материалов. Они во многом уточняют представления о (пост)символистской литературе и круге значимых для нее контекстов.

Еще один важный плюс диссертационного исследования – стремление учитывать все значимые для художественной рецепции опосредующие призмы. В. Сердечная справедливо отмечает, что не всегда восприятие У. Блейка предполагало близкое знакомство с корпусом его текстов в оригинале. Но и тогда, когда оно имело место, решающую роль для формирования тех или иных трактовок нередко играло не индивидуальное прочтение, а распространенные в эпохе модели интерпретации. Этот тезис убедительно раскрыт в работе на многих примерах, а особенно отчетливо – при анализе восприятия Блейка русскими символистами, для которых оказались важны его «легитимация» прерафаэлитами, связь с романтизмом, разработка всеобъемлющей авторской мифологии.

Внимание к контекстам обуславливает тщательный разбор переводческих решений, их сопоставительный анализ, взвешенную оценку образных и стилистических находок. Крайне любопытны выводы В. В. Сердечной о попытках модернизации или архаизации У. Блейка, обусловленных избранной стратегией чтения: «Из раннего романтика

Бальмонт сделал символиста (в то время как Маршак впоследствии сделает из Блейка скорее писателя эпохи Просвещения)» (с. 122); «Сапгир, по сути, делает Блейка нашим поэтическим современником» (с. 157).

Интересны приводимые автором диссертации свидетельства рецепции, не получившие отражения в поэтических текстах: таково указание на то, что Б. Пастернак подумывал переводить Блейка» (с. 123), Д. Хармс его «переписывал» (с. 162), а В. Маяковский «любил цитировать» (с. 160). Эти детали, несомненно, важны для уточнения круга влияний в творчестве конкретных авторов. Важны и указания на примеры опосредованных влияний У. Блейка – в частности, ссылка на то, что опыты Блейка в ««детской» стилистике и иллюминированной печати», скорее всего, были использованы С. Маршаком «при создании советской детской книги» (с. 16).

Цель работы – «анализ поэтического наследия Уильяма Блейка как источника и объекта творческого диалога в русской и советской литературе и культуре» (с. 10) – в работе в полной мере достигнута, поставленные автором **задачи** решены.

Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы и четырех приложений. Структура исследования предполагает последовательное освещение разных этапов русской рецепции У. Блейка: от дореволюционной рецепции Блейка до исследования стратегий его восприятия в культуре русской эмиграции первой волны, от анализа вариантов осмысления Блейка в советской (и неподцензурной) культуре до стратегий его рецепции в постсоветской России. Каждая из глав отличается концептуальной законченностью, позволяющей убедительно восстановить единый «сюжет» восприятия У. Блейка в литературной критике, в переводческой практике, в поэзии разных эпох.

Грандиозная панорама, созданная автором диссертации, не может не впечатлять. Но даже в самых тщательных исследованиях есть основания для

научной дискуссии, что позволяет обозначить несколько вопросов и замечаний.

Широта и разнообразие привлекаемых источников представляет определенную трудность для исследователя, поскольку эти источники часто предполагают необходимость использования разных исследовательских подходов. В частности, это справедливо по отношению к исследованию рецепции У. Блейка в «советском андеграунде».

Нетрудно писать о Блейке-«воинствующем гуманисте» в контексте советской рецепции поэта, поскольку все формулы здесь идеологически и стилистически прямолинейны. Другое дело – писать о рецепции поэта в ситуации фрагментарного знания, «изобретения» западного канона, которая характеризует неподцензурную литературу.

Проблема, которая здесь возникает, – это проблема «актуализации», точной характеристики оснований – и общекультурных, и связанных с авторской поэтологией, – которые определяют потребность в диалоге с У. Блейком. Некоторые нюансы, имеющие смысловозначительное значение, в этой части работы оказываются потеряны. Это не значит, что авторские разборы неверны – но они были бы точнее при более внимательной работе с частными контекстами.

Так, характеристика цикла И. Бродского «Песня невинности, она же – опыта» требует уточнений. Едва ли это «история перехода от очарованности социальным мифом коммунизма к принятию необходимости уехать» (с. 253).

Во-первых, тексты Бродского рубежа 1960-1970-х гг. строятся на метафорическом «шифровании» биографической и социальной реальности. В них важен принцип широкого обобщения, «укрупнения» опыта. Соотнесение лирического «мы» с определенными «социальными типами» прямо противоречит этой логике.

Во-вторых, «невинность» и «опыт» в этом цикле соотносятся с универсальной для творчества Бродского этих лет темой «возраста»

(«старости»), что определяет обратимость двух разделов цикла (да и само название, кажется, призвано показать, что субъект речи в двух частях один и тот же).

В-третьих, текст акцентирует мысль о том, что утрату иллюзий нельзя компенсировать «опытом», знанием и т.п. – ничем, что может защитить от «шока» бытия. В этом смысле Блейк Бродского больше связан с «Апофеозом беспочвенности» Л. Шестова или «Страхом и трепетом» С. Кьеркегора, чем с романтической традицией. Неслучайно прямое взаимодействие с ним (в отличие от других важных для Бродского авторов) ограничено эпиграфами.

Еще одна проблема связана с уязвимостью применяемого в работе интертекстуального метода, который, позволяя выявить широкий пласт текстуальных пересечений, не всегда дает возможность выйти за рамки более-менее убедительных предположений.

Иногда, как в случае с анализом интерпретаторских конструкций Л. Пановой, В.В. Сердечной удается поставить под вопрос неубедительные трактовки; иногда – как в случае с К. Брэндистом, – она их невольно легитимирует. В самом деле, едва ли концепт Хармса «сабля» возводим к «мечу» Блейка: и потому, что это разные виды холодного оружия, и потому, что ассоциативные ореолы этих образов у романтика и авангардиста не близки – во всяком случае, именно на такой вывод наводит исследование «сабли» в работе Ж.-Ф. Жаккара о Хармсе.

Стоит указать и на единичные примеры других интерпретаций, в которых настроенность на возведение тех или иных образов к блейковским претекстам кажется неубедительной. На с. 123 В.В. Сердечная отмечает: «Стихотворение «Пантера» [К. Бальмонта] (1921) не могло быть создано без оглядки на «Тигра» Блейка». Но так ли это, учитывая разнообразие интертекстуальных взаимодействий у Бальмонта? Действительно ли «облечение солнца в саван [у Б. Анрепа] – аллюзия к тканым мирам Блейка» (с. 177)? Ведь «саван» – хорошо укорененный в культуре образ-символ,

причем образ условный, и в символистском контексте он может быть возведен к широчайшему кругу источников.

Высказанные замечания, конечно, ни в коей мере не снижают общее впечатление от представленной к защите незаурядной диссертационной работы.

Отметим: диссертация В.В. Сердечной – это блестящая, исключительная по широте материала, степени его проработанности и масштабности выводов филологическая работа. Она не только предлагает системный взгляд на «русского Блейка», но и намечает новые повороты в теоретическом осмыслении романтизма, исследовании российско-британских литературных связей, анализе интермедиальных текстовых структур.

Диссертация В.В. Сердечной соответствует паспорту специальности 10.01.01 – Русская литература (п. 3. История русской литературы XIX века (1800-1890-е гг.), п. 4. История русской литературы XX-XXI веков, п. 18. Россия и Запад: их литературные взаимоотношения, п. 19. Взаимодействие литературы с другими видами искусства) и паспорту специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Европы) (п. 5. Уникальность и самоценность художественной индивидуальности ведущих мастеров зарубежной литературы прошлого и современности; особенности поэтики их произведений, творческой эволюции, 6. Взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур, их контактные и генетические связи, 7. Зарубежный литературный процесс в оценке иноязычного и отечественного литературоведения и критики).

Исследование является результатом длительной исследовательской работы и имеет убедительную апробацию. Публикации по теме исследования (45 работ 2011-2021 гг., в том числе 9 – в изданиях Web of Science / Scopus и еще 9 – в изданиях ВАК, 3 монографии или раздела в монографии) в полной мере отражают его содержание.

Диссертация «Рецепция творчества Уильяма Блейка в русской литературе и культуре XIX – XXI веков» по совокупности решенных задач отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, установленным пунктами 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842, а ее автор, Вера Владимировна Сердечная, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальностям 10.01.01 – Русская литература и 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Европы).

Официальный оппонент – доктор филологических наук (специальность 10.01.01 – Русская литература), доцент, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Житенев Александр Анатольевич

«15» сентября 2021 г.

Контактные данные:

394018, г. Воронеж, Пл. Ленина, 10, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Филологический факультет, ауд. 35. Тел.: +7(4732)208-941, e-mail: superbia@mail.ru